

примирение, веселящимся — воздержание, скорбящим — утешение, отпавшим от Церкви — возвращение в лоно своей матери; всем же — дух благочестия, единомыслия и любви, во всем благом преуспеяние, телам здравие, душам спасение, земле плодородие, труду благословение, всем присутствующим здесь и отсутствующим благоденственное и мирное житие и многая лета.

НАШЕ ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Беседа в Новолетие 1900 года

Святая Русь — грешная Русь.

Святая Русь, Русь православная — так именовалась встарь наша родина святая. И недаром усвоено ей было название святой. По имени и жизнь ее была святая. О святости ее и благочестии наших предков свидетельствуют не только наши отечественные летописи, но и письменные сказания иноземцев, бывавших на Руси в старые времена и воочию видевших обычаи нашего народа. Эти иноземные свидетели иногда приходили в изумление, видя, как русский народ — от царя и бояр до последнего человека, не только мужчины, но и женщины, девицы и малые дети — строго исполнял уставы Церкви.

Спутник Антиохийского патриарха Макария, посещавший вместе с этим святителем русскую столицу в середине XVII столетия, между прочим так описывает обычаи русского народа.

«Ежедневно русские бывают в церквах за обедней, и в каждом приходе все присутствуют в своей церкви, мужчины, женщины и малые дети, причем каждый приносит, по их обычаю, для церкви одну или несколько свечей, из коих к каждой приклеена копейка. Все в этой стране, от мирян до монахов, едят только раз в день, хотя бы это было летом, и выходят от церковных служб всегда не ранее, как около восьмого часа (два часа пополудни)... Литургия у них совершается чрезвычайно продолжительно, со всяким страхом и смирением. Они неукоснительно остаются [в церквах] до тех пор, пока священник не совершит отпуста, и уходят по прочтении девятого часа... Усердие

всех московитов, больших и малых, к построению церквей весьма велико, и любовь их к непрерывным земным поклонам и к иконам выше всякого описания... Таковы у них не только простолюдины, бедняки крестьяне, мужчины, женщины, девицы, малые дети, но и визири [бояре] — государственные сановники и их жены. Если обладают такими добродетелями царь и царица, кои стоят во главе подданных, то каковы же должны быть эти последние?»

«Во дни Великого поста бдения усиливались. В этот день мы переносили, — говорит писатель, — вместе с ними большое мучение, подражая им против воли, особливо в еде. Мы не находили иной пищи, кроме мазари (размазни), похожей на вареный горох и бобы, ибо в этот пост вообще совсем не едят масла».

Достоинно внимания, как в Древней Руси охраняли святость дней великопостных и праздничных. «Винные лавки и питейные дома с самого начала поста до Нового воскресения (Фомина) оставались запечатанными; содержателям их никоим образом не разрешалось на Святой неделе открывать свои заведения, ибо в продолжение ее за этим наблюдали гораздо строже, чем во время Великого поста. Равным образом и в течение всего года питейные дома обыкновенно оставались закрытыми от кануна воскресения до утра понедельника; так же делалось и во время больших праздников».

«Подлинно, этот народ истинно христианский и чрезвычайно набожен, — продолжает свою повесть тот же писатель, — ибо как только кто-нибудь, мужчина или женщина, заболит, то посвящает себя Богу: приглашает священников, исповедуется, приобщается и принимает монашество, что делали не только старцы, но и юноши и молодые женщины; всё же свое богатство отказывает на монастыри, церкви и бедным».

«Нет сомнения, что Творец (да будет прославлено имя Его!) даровал русским царство, которого они достойны и которое им приличествует за то, что все заботы их — духовные, а не телесные. Таковы все они. Какая это благословенная страна! Это — страна чисто православная!»¹⁷⁹

Так говорит о старой Святой Руси иноземный писатель-очевидец.

То ли у нас ныне? Те ли обычаи? Нет. Та же ли строгость в соблюдении их? Нет. Напротив, многое изменилось у нас в сравнении со старым к худшему. Мы отступили от добрых и святых обычаев наших предков. Мы далеко отстали от благочестия их.

В старые времена на Руси строго соблюдались все уставы Церкви, а устав о посте — с особенной строгостью. Во всей земле русской едва ли бы можно было найти явных нарушителей постов. По тогдашнему общему убеждению поесть в пост скоромного значило бы стать отступником от веры.

А в наши времена в городах трудно найти дом, в котором не нарушались бы посты, трудно нанять квартиру, в которой можно было бы иметь постный стол. Стало быть, строгий суд наших предков назвал бы современных жителей наших городов «басурманами», неверными или как-нибудь иначе, но не назвал бы православными — так уклонились мы от добрых обычаев отцов наших! Отчего это случилось? Не потому ли, что ныне стало мало постной пищи? Пожалуй, отчасти и потому. А отчего уменьшилось количество постной пищи? Потому ли, что мать-земля не стала давать плодов детям своим? Нет. Кормит же она всех животных, которые не употребляют мясной пищи, — прокормила бы, конечно, и всех нас. Итак, где же причина? — В нехотении разводить плоды, употребляемые для постного стола, и в нежелании приобретать их. Есть и другая причина, почему мы не соблюдаем постов: это — презорство¹⁸⁰ наше, то есть сознательное нежелание повиноваться уставам матери Церкви. Не хотим-де соблюдать то, что повелевает Церковь, да и только; не желаем, чтобы нас считали отсталыми от века людьми! Таким образом, мы грешим тем же, чем согрешили наши прародители в раю. Всего у них было довольно — только плоды одного дерева были воспрещены. И захотелось им вкусить этих плодов запрещенных. Вкусили — и потеряли рай. То же и ныне. Всего у нас довольно, были бы мы сыты той пищей, какая нам разрешена, — так нет: не хотим стеснять себя: дай нам того, что запрещено, — хотим есть мясную пищу. Едим — и будет с нами то же, что с прародителями в раю, и не избежим наказания, если не покаемся. Наши предки очень боялись нарушать уставы Церкви; они говорили: той земле не устоять, где начнут обычаи ломать. Не ломали они обычаев о посте, о хождении в церковь, о ежегодном говении — и сохранили землю русскую среди многих невзгод. А в наше время всё стало ломаться. Страшно за землю русскую, если нечестие возьмет перевес над благочестием! Страшно за молодое поколение! Что мы ему передадим? Какие добрые и святые обычаи? Мы получили от предков много доброго, а сами что оставим детям нашим? Оставим ли это пренебрежение уставов Церкви, нарушение постов, леность к посещению церковных богослужений, нерадение

об исполнении христианского долга исповеди и святого Причащения и нарушение святости брачных союзов? Молодое поколение, унаследовав от нас нравственную порчу, передаст ее последующим поколениям, да еще прибавит и своих пороков. Таким образом, мы сделаемся виновниками развращения будущих поколений. Какой ответ дадим на суде Божиим за себя и за них?

От жителей городов стали заимствовать недобрые примеры обитатели наших сел и деревень. Уже и у них нередко дни воскресные не почитаются: в праздники питейные заведения открыты, пьяные бродят по улицам, пьянство иногда начинается до литургии; посты не всегда и не везде соблюдаются; страсть к вину и к другим одуряющим голову средствам, к разного рода азартным играм между молодым поколением год от году увеличивается. Ныне не редкость видеть женщин, сбросивших с себя стыдливость, свойственную женщинам старых времен. На улице и среди базара ныне можно встретить женщину курящую, а в домах — сидящую за карточным столом. Не говорите: что же здесь дурного, какой грех в табаке или картах? Здесь дело не в курении этой травы, которая, как создание Божие, осквернить человека не может, грех не в картах, которые сами по себе могут быть невинными. Но грех сперва в соблазне, производимом неприличием, неуместностью дела, несвоевременностью его; затем грех — в пристрастии к чему бы то ни было. Пристрастие к одному повлечет за собой пристрастие к другому: от курения табака молодой человек переходит к вину; от одной рюмки вина — к пьянству; от вина — к картам и другим страстным играм; отсюда — к праздности, к воровству, к разбою; а отсюда дорога к тюрьме. Потеря стыдливости, свойственной женщине, выражающаяся в нарушении приличия на улице или на рынке, легко приводит к бесстыдству в больших размерах. Отсутствие стыда в женщинах служит верным признаком упадка народной нравственности, а упадок народной нравственности ведет к постепенному разрушению и падению государственной жизни народа. То же можно сказать о нарушении обычаев, установленных Церковью, — уставов о постах, заповеди о почитании воскресных и праздничных дней. И здесь то же: грех не в пище, которая, как создание Божие, — добро, но грех в нарушении заповеди о почитании святых дней.

Мы, приближающиеся к новому столетию, ужели стоим уже на наклонной плоскости, чтобы катиться по ней вниз невозвратно? Мы, дети XIX века, ужели зашли так далеко в пренебрежении к старым

добрым и святым обычаям, что и XX век не даст нам или потомкам нашим возврата к этим добрым обычаям? Ужели для ревнителей благочестия потеряна надежда когда-либо видеть передовых людей нашего христианского общества живущими одной жизнью с простым, но добрым и в большинстве своем набожным народом, с его храмами, с его постами, с его святой стариной?

Что принесет нам новое столетие? Ужели оно будет для нас тем роковым временем, когда число отступников превзойдет число верных чад Церкви, когда нечестие наполнит наши города, наши дома, рынки, государственные и общественные учреждения, а благочестие останется достоянием сел и деревень, в городах же оно будет находить себе место только в запустелых храмах?

Мы, может быть, сильно сгустили краски картины возможной будущей нашей общественной жизни. Поэтому поспешим пригласить вас обратить взор ваш на светлую сторону настоящего. С нами Христос, свет мира (Ин. 8, 12; 9, 5), с нами Церковь Православная, носительница истины (1 Тим. 3, 15); с нами обетование Христа, Царя царствующих, пребыть в Церкви Своей до скончания века (Мф. 28, 20). С нами цари православные, единодержавные и самодержавные, как сила, сдерживающая нечестие. Есть еще на Руси много доброго, честного, святого. Есть немало и такого добра, которого прежде не было. Нельзя не заметить, что ныне и нравы стали мягче. О так называемом «шемякинском суде»¹⁸¹ остались только предания. Рабства ныне нет: всем дышится свободнее. Храмы Божии не пусты; они строятся с усердием, достойным старых времен. Благочестивейшие цари и сановники именитые стоят во главе храмоздателей. Забота о просвещении народа чрез грамоту, в союзе с Церковью, занимает одно из первых мест среди церковных и государственных забот. Благочестие еще не иссякло, особенно среди простых людей. Есть оно и в высших слоях общества, но оно там не так ясно обнаруживается, как у простого народа, у которого оно видно во всех делах, словах, мыслях и желаниях, хотя и с некоторыми исключениями. Нужно только печальникам о благе народном опасаться, чтобы на это незасеянное поле народной простоты, спящим нам, враг не насеял плевел прежде, нежели мы успеем посеять пшеницу (Мф. 13, 25).

Да помнят идущие впереди других, что за ними идет великая толпа, именуемая народом, что она пойдет туда, куда ее поведут. Так пусть ведут ее тем путем, которым русский народ пришел к величию среди

народов земли. А этот путь есть вера в Бога, сыновняя покорность Церкви, беспредельная преданность царю православному, самодержавному и беззаветная любовь к родине святой.

Эти заветы потщимся перенести в новое столетие, чтобы передать их нашим потомкам.

Новое время исчисление лет для христианских народов началось евангельским призывом к покаянию — начнем покаянием и мы, стоящие в преддверии нового столетия.

ПОЖЕЛАНИЯ ГРЯДУЩЕМУ СТОЛЕТИЮ

Беседа на Новый 1901 год

*Благослови, душе моя, Господа...
исполняющего во благих желание
твое.*

Пс. 102: 1, 5

Много желаний высказывается и еще, вероятно, будет высказано таковых среди христианских народов по поводу наступающего нового года, которым начинается XX столетие христианского летоисчисления.

Во всех этих человеческих желаниях и приветствиях нетрудно найти один общий смысл: все и каждый из приветствующих желают другим на новое столетие добра и счастья. Различие только в том, что каждый понимает добро и счастье по-своему и каждый желает другому того, что он считает добром и счастьем. Не будет, вероятно, недостатка в таких пожеланиях, которые относятся не к отдельным личностям, а к целым группам людей, к обществам и даже ко всему человечеству наступающего XX века. Из самых последних желаний этого рода наиболее выдающимися можно назвать два желания: одно — чтобы настал на земле между всеми народами мир, ничем не нарушимый, а другое, замечательное по своей новости и несбыточности исполнения, — желание войти в сношение с предполагаемыми обитателями одной из соседних с Землей планет. Нельзя умолчать еще и об одном ужасном